

УДК 929/930 «312»

Г. П. Гребенник

к. ист. наук, профессор,
кафедра истории и мировой политики
ОНУ имени И. И. Мечникова,
к. 37, Французский бул., 24/26,
г. Одесса, 65058, Украина
Тел.: (0482)68-51-60
E-mail: genpetr2005@gmail.com
ORCID iD: <http://orcid.org/0000-0002-8003-1039>
DOI: [http://dx.doi.org/10.18524/2304-1439.2018.2\(31\).144304](http://dx.doi.org/10.18524/2304-1439.2018.2(31).144304)

**О РОЛИ И ОСОБЕННОСТЯХ БИОГРАФИЧЕСКОГО ЖАНРА
В СОВРЕМЕННОЙ ИСТОРИОГРАФИИ**

В статье рассматриваются причины «увлечения» историков биографическим жанром в настоящее время. Автор анализирует феномен обращения к истории исторического факультета Одесского университета имени И. И. Мечникова. Он иллюстрирует свои мысли об особенностях работы биографа на примере критического разбора двух биографических этюдов. В последней части автор обращает внимание на актуальные уроки истории самих историков.

Ключевые слова: биографический жанр, автобиография, историография, хранитель памяти, интеллигенция.

1

К написанию этого текста меня подвигли две работы, с которыми я ознакомился в последнее время: монография Т. Н. Поповой, в которой обобщаются достижения отечественной историографии в области биографизма, и книга, подаренная юбиляром проф. В. М. Хмарским [1]. Эти работы не оставили меня равнодушным, поскольку я сам сталкивался *изнутри* с превратностями этого жанра при написании книг [2; 3]. В данной статье я хотел бы поделиться кое-какими соображениями по поводу биографического жанра историописания, которые посетили меня, в частности, при чтении работ своих коллег.

Т. Н. Попова отмечает, что в наше время наблюдается «увлечение историков биографическим жанром» [1а, с. 10]. Уважаемая Татьяна Николаевна увязывает этот феномен с «поиском новых теоретических концептов, методологических подходов и их плодотворного синтеза» в условиях радикального отказа от советского наследства и пересмотра всего концептуального багажа отечественной историографической науки [1а, с. 10, 11]. Действительно, когда были отброшены советские школы и их историографические концепции, то на опустошенное место ворвался вихрь исторической мифологии, порой достигавший анекдотических размеров. В этих условиях уважающие себя профессионалы исторического цеха сочли за благо обратиться к биографическому жанру, поскольку это самый надежный и

простой путь — вернуться к человеку как абсолютной нравственной ценности и через него заново восстановить эпохальный разрыв в историописании на научной основе, а не на основе мифа, если это, конечно, вообще возможно.

Биограф вытаскивает на свет то, что интересно людям его времени. Историческая биография всегда современна, даже если речь идет о египетских фараонах. Я это понял, когда работал над книгой о профессорах-шестидесятниках Одесского университета. Формулируя в предисловии цель своей работы, автор этих строк писал: «Как историк я понимаю, что история есть способ осмысления настоящего. Только обнаружив свое отношение к прожитой жизни, я смогу сказать, кто я, почему такой и почему оказался в этой точке истории. Без этой работы нельзя осуществить процесс освобождения от иллюзий, лжи и страха. А этого я больше всего хочу» [3, с. 39].

Но есть и другие, традиционные мотивы обращения к жанру биографии. У многих эта потребность обнаруживается с возрастом. Биографический метод как метод воспоминания о том, чему был свидетелем, что видел, знал и не ценил, пока не потерял. Мы чтим память своих предков, живем в координатах великих людей. Вероятно, здесь играет свою роль древнейший архетип героя.

2

В последние годы мы стали свидетелями феномена обращения к истории исторического факультета Одесского университета имени И. И. Мечникова. Стали выходить одна за другой биографические и автобиографические работы, посвященные родному факультету периода примерно от середины 60-х до середины 80-х годов [4]. Разразился многосерийным автобиографическим опусом под названием «Мемуары профессора» Г. И. Гончарук. В первый двух книгах, написанных в стиле «Я и остальные», он немало поведал о нравах на факультете в его бытность студентом и начинающим преподавателем [5].

К мемуаристам следует добавить группу исследователей-украинистов во главе с д. и. н. В. М. Хмарским, который сделал биографический жанр главным в своей научной работе. В книге, посвященной юбилею В. М. Хмарского, помещены, в частности, биографические этюды о П. И. Воробье, А. Д. Бачинском и З. В. Першиной [1b, с. 113–148; 149–160; 266–278].

На истфаке идет постоянная работа по поддержанию памяти о «родоначальниках». Все кафедры имеют своих гениев в смысле, который это слово имело в Древнем Риме, а именно: божество-покровитель. *Хранителями памяти* о них стали, естественно, их прямые ученики. Так, памятью о В. Н. Станко озабочен его ученик д. и. н. А. А. Пригарин. Его усилиями вышло три толстых сборника, посвященных выдающемуся археологу и организатору науки на истфаке [6]. В них имеются мемориальные разделы. Хранительницей памяти о И. В. Завьяловой является ее ученица заведующая кафедрой древнего мира и средних веков И. В. Немченко. Кафедра провела 25 ноября 2011 г. международный круглый стол, посвященный 100-летию со дня рождения И. В. Завьяловой. На основе выступлений его

участников был издан сборник [7]. Этой кафедре «принадлежит» и легендарный П. О. Карышковский. С 1989 года кафедра проводит международную научную конференцию «Чтения памяти профессора Петра Осиповича Карышковского». Память о проф. С. И. Аппатове «окучивает» его детище — кафедра международных отношений факультета международных отношений, политологии и социологии (бывший Институт социальных наук). Там и книги выходят, и конференции проводятся в его честь. Миф о А. Д. Бачинском культивирует, естественно, кафедра истории Украины. Проходили мероприятия, посвященные В. С. Алексею-Попову и А. М. Шабановой.

Может, я что-то пропустил. Но и так, как ни крути, перед нами волна со всеми ее составляющими — придонной мутью, изумрудной, сверкающей на солнце водой и пеной. Такого взрыва интереса к истории факультета не было никогда за всю историю его существования. Почему?

Во-первых, потому что это, как выясняется, был золотой период истфака советской эпохи. Наш факультет того времени, наверное, не мог составить конкуренцию истфакам Московского и Ленинградского университетов. У нас не было «звезд», за исключением П. О. Карышковского, и, главное, возможностей столичных вузов. Но в стенах Одесского истфака сложилась группа профессионалов высокого класса, которая успешно работала со студентами, шлифуя из них специалистов и, главное, оказывая благотворное нравственное влияние. К ядру этого коллектива можно, на мой взгляд, причислить З. В. Першину, М. Е. Раковского, В. С. Алексева-Попова, И. В. Завьялову, К. Д. Петряева, С. О. Аппатова, В. Н. Станко, А. М. Шабанову, П. И. Воробья, А. Д. Бачинского, А. Г. Загинайло. Это были фронтовики и люди, непосредственно примыкавшие к «поколению победителей». Это была генерация преподавателей, которые получили опыление идеологией шестидесятников. Шестидесятничество — это не диссидентство, а идеология советского либерализма. Значит, в ее центре находилась проблема свободы. Каждый в отдельности и все вместе они решали проблему свободы как ответственного существования в предлагаемых обстоятельствах.

Я бы не хотел здесь преувеличивать их тягу к свободе и впадать в сентиментальный идеализм по поводу дружности этого преподавательского коллектива. Это были разные люди и по степени таланта, и по мировосприятию, но есть такое понятие — дух времени. Его флюиды витали в воздухе. А иначе откуда взялся такой мощный призыв к гласности и демократизации?

Драма свободы в условиях опыта несвободного существования роднит нас с нашими учителями. Биографы факультета доросли до сочувствия, до сопереживания своим учителям. Это, пожалуй, вторая существенная причина ренессанса золотой эпохи исторического факультета.

3

Извечным мотивом биографа является желание «рассказать правду», «как оно было на самом деле». С этой точки зрения весьма поучителен художественный фильм американского режиссера Питера Трэвиса «Точка

обстрела» (2008 год). В нем восемь свидетелей убийства президента США излагают событие, которое происходило у них на глазах. И каждый по-своему. Восемь интерпретаций, восемь правд. Никто не лгал. «Как было на самом деле» было представлено режиссерской, девятой, версией. А как там было *на самом деле* — кто знает? Истина ускользает от нас, оставляя после себя шлейф из субъективных правд. На этом феномене строится борьба историографий.

Нет плохих источников, если есть умение аналитически с ними работать. Я так думаю прежде всего в связи с автобиографическим жанром, который считается среди историков «неполноценным» из-за крайнего субъективизма источника. В ходу выражение: «Врет как очевидец». На самом деле крайне важно, как человек думает о себе, что он подчеркивает в других, на чем настаивает, что отрицает и о чем умалчивает. Был бы ответчик, а детектор лжи всегда найдется.

Автобиография, пожалуй, самый коварный и предательский жанр, ибо он в большей мере раскрывает личность автора, чем тот сам того желает. Доходит до смешного: автору кажется, что он кого-то обличает и судит, а на самом деле обличает он самого себя и себя же выставляет на суд людской. Размер души имеет значение, помимо, конечно, ума.

4

Биография сродни мифу о герое. Но является ли миф историческим жанром? Или это литературный жанр, к которому относится и исторический роман. Но кто сказал, что история — это наука? Я утверждаю, что история — это больше чем наука. В ней есть и научная часть (понятийный аппарат, строгий отбор фактов и их проверка на достоверность в ходе исследования), и литературная основа (язык, стиль писательства), и мифологический аспект, связанный с воображением.

Обратите внимание, как сегодня на Западе снимаются хорошие документальные фильмы на исторические темы. В них задействованы профессиональные актеры, играющие своих героев в костюмах и интерьерах соответствующей эпохи. Герои в таких фильмах, как правило, не говорят. Авторский текст идет за кадром. Он выверен и исторически достоверен. Но без визуальной картинки фильм был бы блеклым рассказом. Именно актеры включают наше воображение, что и позволяет создать завораживающий эффект ожившей эпохи.

У нас многие историки не умеют писать, но при этом выдают свое косноязычие за достоинство, которое якобы присуще научному жанру. Но нельзя описать жизнь человека, не проникнув в его внутренний мир, а это работа писательского воображения, интуиции. Вот почему в жанре исторической биографии доминируют писатели, а не историки. Литературное убранство биографического сочинения — это как платье для Золушки, мечтающей о бале в королевском дворце. Обязательное условие! Писать историю о человеке и при этом не быть способным изящными словесными образами, точно найденными словами написать красочный портрет — удел такого историка жалок, хотя и он имеет право на существование в узкой среде профессионалов, где ценится кропотливая работа с фактами. Но вый-

ти на широкую аудиторію йому не дано, а значить «герою» крупно не по-везло с біографом.

Історик не регістратор подій і фактів, но і не романист. Біограф виділяє людину, тому що той виділявся при житті своєю неординарністю, впливом на людей. В принципі будь-який людина гідний написання біографії. Но в реальності біографію надо заслужити. Якщо людина гідно існував в своєму часі, і воно його не розмазало, не зробило сліпим інструментом чужої волі, то пам'ять про нього може бути предметом живописання. Нам цікаво творчий людина, поскільки його творчість і є вираження його духовної сутності. Нам цікаво спостерігати, як інструментує вільний дух всередині людини, як людина протистоїть зовнішнім обставинам. Нам цікаво виключальний людина — борець і творець.

Вроде біограф вирішує задачу з заздалегідь відомою відповіддю. Йому треба крок за кроком показати на прикладі видаючоїся особистості випадковий результат людської життя. Все ж таки яка роль передубеждения історика біографічного жанру? Наскільки виправдан його виробничий вибір фактів і значимих подій? Ці питання біограф вирішує досвідченим шляхом, створюючи образ свого «героя» во внутрішньому діалозі з ним. Фактаж сам по собі не може передати живої життя людини. К строгому манеру історика біографу надо додати письменницьке уявлення, засноване на власному життєвому досвіді, передати дух часу, який переживав «герой».

Сравнительно недавно я ознакомився со статтею д. і. н., заведуючого сектором ІНІОН РАН А. В. Гордона о В. С. Алексееве-Попове [8]. Вроде бы автор писал о существовании В. С. в науке, а сердце заняло от тоски. Сумел-таки А. В. Гордон передать атмосферу удушающего одиночества и бессилия творческого человека в провинции. Но по сравнению с судьбой учителя и друга Алексеева-Попова — Я. М. Захера (1893–1963), крупнейшего специалиста по Французской революции, получившего в общей сложности тринадцать лет лагерей по сфабрикованному обвинению в принадлежности к мифической меньшевистской организации, судьба самого Вадима Сергеевича сложилась более-менее благополучно. Если, конечно, не считать, что в годы войны он пережил блокаду в Ленинграде. Он был потомственный петербуржец, закончил истфак Ленинградского университета, успешно защитил диссертацию, но был вынужден после войны переехать в Одессу по причине подорванного здоровья.

5

Перед біографом стоїть задача зрозуміти свого «героя» в його існуванні, в тому, що явно або підспудно рухає його, яка пружина розкручує нитку його долі, незважаючи на коливання або відхилення від неї в ті чи інші періоди життя. Якщо автор ухватив стержень особистості свого персонажа, то всі поля його взаємодії з оточуючим світом знаходять структурне єдинство. Біографія буде виглядати легко і природно.

В якості ілюстрації того, о чому сказано вище, проведу розбір біографічного етюду Т. Н. Попової «Евгений Николаевич Щепкин: жизнь как максима» [9, с. 180–196]. Татьяна Николаевна — большой мастер и

скрупулезный исследователь. Ее техника исторического анализа безупречна. Тем не менее есть что добавить.

Т. Н. Попова выстраивает свой очерк о Е. Н. Щепкине так: лик первый — ученый и университетский преподаватель, лик второй — общественный деятель и революционер. Е. Н. Щепкин готовил себя к научной и преподавательской деятельности, был университетским человеком и «вдруг» сорвался в революционную деятельность. В нем проснулся революционный темперамент. Ученый не обязан быть интеллигентом, но в традиции российской высшей школы профессора исповедовали интеллигентскую веру в социальный прогресс. Собственно, это и делало их европейцами, а не пресловутое стремление в Европу.

«Атмосфера предреволюционной ситуации оказывает решающее воздействие на личность Е. Н. Щепкина», — пишет Т. Н. Попова [9, с. 187]. Революционная ситуация 1903–1904 годов — это дождь, пролитый на почву. Но почва уже была подготовлена. Это должно было быть так и, я уверен, было. Полагаю, это можно отследить документально. Е. Н. — внук крепостного, великого актера Михаила Семеновича Щепкина (1788–1863), одного из основателей русской актерской школы, славной во всем мире своим реализмом и демократизмом. Отцом Щепкина был известный адвокат Н. М. Станкевич. Мать — умница, образованнейшая женщина, писательница, естественно, передовых взглядов. В такой семье Е. Н., конечно, воспитывался на идеалах народничества, в оппозиции к власти. Человек изучал историю народных бунтов. От отца слышал много рассказов из адвокатской практики. И сам был присяжным заседателем в окружном суде, то есть воочию наблюдал проявления социальной несправедливости.

Русские профессора всегда стояли за автономию высшей школы, чтобы она при любых обстоятельствах была островом свободомыслия, в котором только и могут формироваться и созреть крупные умы. Е. Н. Щепкин начал свою общественно-политическую деятельность с этой борьбы, естественной для либеральной интеллигенции. Начинал он, как и положено человеку его статуса и круга, в кадетской партии. И от одесских кадетов был избран депутатом Первой государственной думы (1905) и вошел в ЦК кадетской партии. В дальнейшем решительный, смелый и волевой человек, он не смог удовлетвориться двойственной позицией российского либерализма, его извечным стремлением к компромиссам и лавированию между властью и народом. Революция сделала из него большевика, ибо он разочаровался и во власти, и в либеральной оппозиции.

В 1917 году Е. Н. Щепкин сначала придерживался сдержанной, срединной позиции, но сохранить ее в революционном водовороте было совершенно невозможно. Правые стали белыми, левые стали красными. Гражданская война, начавшаяся в умах, перешла в свою активную внешнюю фазу кровавой разборки. И здесь нашлось место потрясающему символизму той эпохи: родной брат Н. Н. Щепкин, активный деятель кадетской партии, был расстрелян большевиками по приговору трибунала в 1919 году. Е. Н. Щепкин признал этот приговор справедливым. Вот каково ожесточение гражданской войны.

«Красного профессора» не понимали его университетские коллеги не потому, что он сотрудничал с большевиками, а потому что он сам стал большевиком, комиссаром. К большевикам его привел нравственный долг интеллигента. В этом корень проблемы, которую нужно корректно разрешить, чтобы создать подлинную биографию этого человека, правильно расставить акценты. *Принцип единства личности* требует объяснить судьбу человека, его поступки из единого, верно понятого основания. Один лик, другой лик... Да это один и тот же лик, обращенный на разные сферы деятельности.

Т. Н. Попова в конце своего очерка приводит две противоположные точки зрения на личность Е. Н. Щепкина — профессоров Новороссийского университета К. П. Добролюбского и И. А. Линниченко. Но от собственной точки зрения мягко уклоняется, желая быть «объективной». А что это дает? Ведь из ее рассказа ясно, что Е. Н. Щепкин был чистой воды интеллигент и в силу своего характера закономерно прошел последовательную политическую эволюцию от либерализма к большевизму. Его жизнь и смерть свидетельствовали об идейности этого человека, напроць лишенного политической хитрости и стремления к власти. Это была высокая трагедия. Уважаю!

Осторожно, практически завуалировано Т. Н. ставит вопрос о гипотетическом будущем профессора Щепкина [9, с. 195–196]. Да, Татьяна Николаевна, если бы Щепкин так рано не умер, то был бы репрессирован позднее. С его кадетским прошлым и родственными связями (расстрелянный красными брат!) он не дотянул бы до 1937, а был бы осужден как «особо опасный социальный элемент» где-нибудь в конце 20-х, когда начались многочисленные интеллигентские процессы. И мы сегодня о нем говорили бы как о жертве сталинского террора.

«Достойно ли нас выносить ему приговор?» — напоследок задается вопросом Т. Н., видимо, имея в виду кого-то конкретно [9, с. 196]. Тот, кто это делает, просто глуп как пробка, поскольку это абсолютно бесполезное занятие. Да и кто они такие — эти нынешние обвинители? В конечном итоге только память о человеке свидетельствует о его значительности. В этом плане брату Щепкина повезло много меньше. Я бы задал другие вопросы. Пройдя кроваво-революционные перипетии, изменил ли он свои убеждения? Не раскаялся ли? Находился ли в согласии с самим собой последние год-два жизни?

Знание вообще и знание истории в частности дает человеку иллюзию, что он владеет аппаратом истины. Нет другого способа проверить это, кроме как применить свое знание на практике. Что и попытался сделать профессор Щепкин. Он и его товарищи хотели изменить *весь мир* к лучшему. Они ведь *мировую революцию* делали, чтобы раз и навсегда во всем мире покончить с социальным угнетением и войнами. Таков был планетарный замах этих людей. Таков был их масштаб. С тех пор мир не прожил ни одного дня без войны и едва пережил вторую мировую, а сейчас находится на пороге третьей. Дело Щепкина явно провалилось. Его великий дед Михаил Семенович написал в 1853 году А. И. Герцену: «Рабы ещё не хотят быть

свободными». Тем не менее спустя восемь лет их освободили. А зачем? Сегодня, спустя 165 лет, я говорю: «Рабы ещё не хотят быть свободными». Людям свойственно списывать собственную сервильность на пороки власти и общества. Выдавливает из себя по капле раба мало желающих. Легче папуасить «всем народом» на площади. И то верно: «Скажи, враже, як пан скаже».

6

Стремление к работе с архивными материалами, тщательность, скрупулезность в работе с фактами является приметой академического стиля. Это хорошо. Но недостаточно. Чего мне не хватило, например, в биографическом очерке профессора В. М. Хмарского о судьбе заведующего кафедрой истории Украины доцента П. И. Воробья [10]? Мне не хватило личности самого Воробья. Историк, что называется, не навел резкость. В результате лица участников этой истории расплылись как в тумане, а некоторые и вовсе исчезли из поля зрения.

П. И. Воробей попал в жернова судьбы, можно сказать, случайно. А можно — и нет. Его откровенно подставили. Сдается мне, что «выдающиеся историки Украины» из Киева соорудили из него для себя громоотвод. После свержения Н. С. Хрущева Л. И. Брежнев укреплялся на посту генсека, расставляя на ключевые посты в союзных республиках своих людей. Первый секретарь ЦК КПУ П. Е. Шелест был выдвиженцем Н. С. Хрущева. Спустя чуть более года после своего избрания Первым на Украине, П. Е. Шелест в лучших традициях политического предательства громил своего благодетеля на Октябрьском (1964 года) Пленуме ЦК КПСС. Но Брежнев в этот жест присяги новому хозяину Кремля не поверил. Сам был такой. Шелесту приклеили ярлык «буржуазного украинского националиста». Чтобы повод выглядел внешне убедительным, нужно было найти «проявления национализма», ну и заодно шорох в республике навести. Таким образом, идеологическая реакция прикрывала борьбу за власть. Типично византийский политический почерк. Тут и подвернулся П. И. Воробей со своей монографией. Почти наверняка можно утверждать, что кандидатуру сакральной жертвы подбирали именно в Киеве, поскольку в Москве никто не читал книг на украинском языке, а отмашку дал — тут В. М. Хмарский прав — секретарь ЦК КПУ по идеологии В. Е. Маланчук. Центр заводил общую «мелодию», но каждая республика исполняла «песню» на свои собственные слова.

Ну, хорошо, сделали из Воробья крайнего. Но как он сам себя вел в период и после кампании травли? Как он держал удар? Защищался, сопротивлялся, боролся или униженно каялся? Я этого доподлинно не знаю. В очерке В. М. Хмарского говорится, что П. И. Воробей был по характеру мягким человеком, не борцом. Он вяло отбивался, признавал свои ошибки, но просил не записывать его во враги, поскольку всегда был честным коммунистом и в своих научных работах последовательно отстаивал ленинские принципы и подходы.

Петр Иванович был у нас куратором на третьем курсе в 1975 году. У меня сложилось впечатление, что он вел себя как «сбитый летчик», слом-

ленный человек. Он, по-моему, так и не смог восстановиться, пережить несправедливость, что ускорило его смерть.

У этой истории есть еще один план. Как после ритуальной травли сложились отношения Петра Ивановича с коллегами по работе? Будучи поставленными в рамки, и они «признали свои ошибки», «проявили партийную принципиальность» и потоптались на своем коллеге, при этом посыпая голову пеплом самокритики. В. М. Хмарский вскользь говорит о том, что все это они делали без фанатизма и лизоблюдства. Отбывали номер, совершая акт коллективной порки. В конце концов наказали только одного Воробья. Остальных пожурили. На «великий погром» это явно не тянет.

Думаю, в Киеве еще всплывут подробности этого темного дела, и мы, быть может, узнаем нелицеприятные факты о человеческой подлости. Во всяком случае, у В. М. Хмарского есть приоритет в этом вопросе. Он может вытащить всех причастных из тени и довести «дело» П. И. Воробья до логического конца.

Человеческая история всегда поучительна и должна завершаться «моралью», служить неким важным уроком для потомков. Здесь я позволю себе оттолкнуться от заголовка статьи В. М. Хмарского — «Доля заведующего кафедрой истории УССР...». Когда обстоятельства сильнее человека, то это — доля, судьба. А когда человек упирается, не сдается, то на первый план выходит доблесть. Несравненный Макиавелли считал, что «судьба распоряжается лишь половиной всех наших дел, другую же половину, или около того, она предоставляет самим людям» [11, с. 117]. Вот и приложите это учение к доле П. И. Воробья.

Так какова же его доля? Ну, сняли его с заведования кафедрой, не стал он доктором наук. Продолжил работу рядовым доцентом. Да разве это беда! Я не говорю о 30-х годах — там критика была расстрельной. Но давайте взглянем пошире на картину того, что происходило в тот период в стране. Сравним случай П. И. Воробья, например, с судьбой П. В. Волобуева. Как лидер «нового направления» он подвергся зубодробительной критике и административным репрессиям. В 1974 году его сняли с поста директора Института истории СССР. Образно говоря, разжаловали с генерал-полковника до майора. Он перешел на работу старшим научным сотрудником в Институт истории естествознания и техники АН СССР и там работал аж до 1990 года. А в 1990 году колесо фортуны повернулось в благоприятную для него сторону. Он стал академиком и председателем научного совета АН СССР (РАН) «История революций в России».

Пострадали и подверглись разным формам дискриминации и другие представители «нового направления» — К. Н. Тарновский, чью защищенную докторскую диссертацию ВАК СССР не утвердил, выдающийся историк-аграрник В. П. Данилов, А. Я. Аврех и др. Никто из них, насколько мне известно, не покаялся и не прогнулся перед властью предрержащими.

Та же участь постигла еще одного выдающегося историка — М. Я. Гефтера, кстати, друга В. С. Алексеева-Попова. После выхода в свет коллективной монографии «Историческая наука и некоторые проблемы современности» (1969), где Гефтер представил неортодоксальный портрет В. И. Ленина, его

сектор методологии в Институте истории АН СССР закрыли с формулировкой «по идеологическому несоответствию». Гефтера перестали печатать, и он был вынужден работать «в стол» до 1987 года. С 1974 года он пенсионер. Из партии вышел добровольно. Удары судьбы его не сломили. Он даже не впал в диссидентство. Создал у себя на даче неформальный методологический, историко-философский семинар. И к нему в Подмосковье как к мудрейшему человеку потянулись люди со всего Союза. Нуждавшийся в интеллигентских авторитетах Ельцин обласкал его, ввел в свой Президентский совет. Он немедленно вышел оттуда в октябре 1993 года — не простил «первому президенту свободной России» пролитой крови.

Аналогичная история, точь-в-точь, произошла с талантливейшим социологом Ю. А. Левадой. Поводом для гонений стало крамольное чтение курса лекций по социологии на факультете журналистики МГУ. Его прорабатывали на собрании в Академии общественных наук при ЦК КПСС в ноябре 1969 года. Левада держался спокойно и даже посмел поиздеваться над невежеством своих обвинителей. Социология была делом абсолютно новым, а они в ней ни уха ни рыла. В результате его отдел в Институте конкретных социальных исследований АН СССР был расформирован. Он перешел на работу в другой институт. Разумеется, Леваду отстранили от преподавания в МГУ, а предложение университета присвоить ему звание профессора было отозвано.

Ю. А. Леваду усиленно травили три года (с 1969 по 1972). Против него инспирировали несколько статей в «Правде» и «Коммунисте», главных печатных органах партии. В общей сложности пятнадцать лет он был в опале и за все эти годы ни разу не показал власти, что считает себя жертвой. Он был слишком независимым человеком, чтобы потакать режиму.

С проработки Левады начались гонения на научные кадры социологии. Идеологическим преследованиям подверглись философы С. С. Аверинцев, Э. В. Ильенков, М. К. Мамардашвили, А. М. Пятигорский... Наибольшие неприятности обрушились на голову А. А. Зиновьева. Его лишили всех званий, докторской степени и даже воинских наград и выдавили за границу, лишив, естественно, гражданства.

Что это было? Кончалась эпоха «оттепели». «Заморозки» организовала «контора Суслова — Трапезникова» — Идеологический отдел ЦК КПСС. После «пражской весны» шла фронтальная зачистка либералов и неформалов. Подняли такую волну реакции, что даже наши археологи дрожали от страха перед возможным обвинением в левацком уклоне при раскопе скифских курганов и античных поселений. Травили и затравили академиков-либералов А. М. Румянцева и Н. Н. Иноземцева. Первый был вице-президентом АН СССР, членом ЦК КПСС, другой — директором ИМЭМО, советником самого Брежнева. Вот какой уровень оказался в их досягаемости!

Получается, наш П. И. Воробей был в одной компании с достойнейшими людьми и выдающимися учеными. Он должен был ходить с высоко поднятой головой, но... есть люди и люди. Бедный Петр Иванович! Какой он еретик? Ему только и нужно было, что читать с кафедры студентам «правдивую историю». В своих лекциях он значительную часть времени уделял

«недолікам», шла ли речь об индустриализации, коллективизации или о послевоенном строительстве на Украине. Какая же может быть правда без «недоліків»? Но при этом надо иметь в виду то главное обстоятельство, что *советский* историк П. И. Воробей оценивал *советскую* индустриализацию Украины, несмотря на ее недоліки, как великий подвиг *украинского* народа. На мгновение я вызвал в памяти его образ. Смотрит он единственным округлившимся живым глазом и от волнения переходит на чистый русский язык: «Ребята! Вы что с моей Украиной сделали? Ни одного стоящего предприятия не построили, а все советское пустили по ветру». То есть пустили по ветру тяжкий труд по крайней мере трех поколений украинцев.

Говорить о доле без учета свободной воли, значит впадать в фатализм. Мол, печальна и незavidна доля заведующего кафедрой истории Украины в советское время. Знал я заведующих кафедрами истории Украины, коих не доблесть выручала, а хитрость, умение быть на кончике конъюнктуры. Пожали все регалии, получили все звания и еще мифы рассказывают о противостоянии ненавистному режиму. Напекают на личное мужество. Ну, это никому не интересно. Или сравните судьбы, в том числе посмертные, людей, я считаю, одного уровня — И. Кураса и В. Маланчука. Курас точно не был борцом за идею, он был человеком «политическим» — лавировал, приспособливался... Автор книги о крахе украинского национализма сумел стать вице-премьером в националистическом правительстве. Оцените!

Мы учились у одних и тех же учителей, но каждый пошел своей дорогой. То ли это действие свободы воли, то ли судьбы, то ли, скорее всего, комбинации этих факторов — это уже не имеет большого значения. Главное, у нас был выбор. Так почему нужно отказывать Петру Ивановичу в свободе выбора? Она у него была, и он выбрал свою судьбу. Конечно, при этом его иллюзии были развеяны. Надеждам и мечтам не суждено сбыться. Жизнь не сказка, чтобы иметь счастливый конец. Все великие мужи умирали со скорбным выражением на лице, подводя итог своим разочарованиям. Можно даже утверждать, что *несправедливость судьбы* есть фундаментальный закон жизни.

Конечно, мы могли бы глубже судить о личности П. И. Воробья, если бы знали его жизненную мотивацию. Может, Петр Иванович обиделся или разгневался на власть? Это глупо, она того не стоит. Карьера, «успехи в науке», «заслуги» — это все надувание щек, вторичные признаки, зачастую — цена измен и унижений. Получаем мы, как правило, то, чего действительно заслуживаем, но далеко не все отваживаются это признать наедине со своей совестью. Судьба награждает нас тем, что мы способны у нее взять. И дает она все это с «нагрузкой». В этом заключается *мудрость судьбы*.

И последнее. Вполне может быть и так, что будущему биографу откроется новая перспектива, в свете которой судьба Петра Ивановича будет выглядеть не столь печальной, как наша. А это уже называется «*насмешка судьбы*».

7

Интересно, как смотрел на страдания П. И. Воробья доцент кафедры новой и новейшей истории В. С. Алексеев-Попов? Он сам был примерно в это время под ударом («дело Павловского — Игрунова»). Но он знал

иные времена, когда замес был значительно круче, чем тот, в который они оба попали.

Интеллигенцию «построили» еще до убийства Кирова в 1934 году. С конца 1920-х годов происходило беспрецедентное вторжение власти в научно-культурную сферу с целью унификации и постановки под пристальный идеологический контроль партии деятельности кадров в образовательных, научных и творческих учреждениях и союзах. Шло жесткое формирование интеллигенции нового типа, без «буржуазных колебаний» и «индивидуалистических замашек». Репрессиям и гонениям подверглись прежде всего бывшие меньшевики, эсеры и кадеты. Чтобы «разобраться» со всеми критически настроенными, власть намеренно внесла в среду интеллигенции гнилую атмосферу страха и доносительства. Революционный синдром, продолжение гражданской войны в умах многих граждан, психопатическое расстройство на почве ненависти и подозрительности, накаленная международная обстановка благоприятствовали такой атмосфере. Начались и шли один за другим интеллигентские процессы. И интеллигенция «поплыла». На почве «таинственной страсти к предательству» ученики предавали своих учителей и сами становились жертвами доносов. Доносы, доносы, море доносов... «Контора» только успевала их подшивать. Я уже упоминал учителя В. С. Алексеева-Попова проф. Я. М. Захера. Так вот, в середине 1928 года партийная организация ЛГУ дала ему поручение выступить с критикой книги акад. Е. В. Тарле «Европа в эпоху империализма». Тарле был его учителем, и он очень не хотел портить с ним отношения. Но отказаться не мог, поскольку был политически уязвим: еще до Октября 1917 года входил в меньшевистскую группу. Он выступил с докладом, но попросил своего друга доцента А. И. Молока передать Тарле, что он лично против него ничего не имеет и лишь выполняет политический заказ. Друг поступил «как надо» — донес на Захера. Его немедленно исключили из партии за «двурушничество» [12, с. 42]. Чтобы сохранить место профессора, Я. М. Захер был вынужден написать покаянное письмо, в котором охарактеризовал Е. В. Тарле как «злейшего врага советской власти» и «сознательного антимарксиста». После этого акта морального аутодафе Я. М. оставили в должности профессора кафедры, а в 1938 году все равно посадили.

Спустя несколько лет уже профессор и заведующий кафедрой новой и новейшей истории ЛГУ А. И. Молок становится научным руководителем диссертации В. С. Алексеева-Попова. Такова жизнь. После возвращения Я. М. Захера из ссылки В. С. поддерживал с ним тесные отношения и проводил его в последний путь в 1963 году в Ленинграде. За гробом шло всего четыре человека.

Но это еще не все. Как обычно, рука об руку с политической тенденцией идет личная заинтересованность в ее использовании. Известный историк-марксист, большевик проф. М. Н. Покровский, ненавидевший акад. С. Ф. Платонова и всю старую академическую среду, не пускавшую его в свои ряды, добился рассмотрения на Политбюро в апреле 1929 года обстановки на «историческом фронте». После этого Кремль дал команду ОГПУ

начать фабрикацию «дела» против «академиков-саботажников». По «академическому делу» было арестовано 115 ученых. В числе других в разработку вновь попал Е. В. Тарле, слишком часто бывавший в научных командировках во Франции и имевший широкие связи в научных кругах Европы. Кстати, великий русский историк Е. В. Тарле, еврей по национальности, три года проучился в Новороссийском университете, на историко-филологическом факультете (1892–1894), а затем перевелся в Киевский. Он таки наш, этот академик!

Будучи арестованным в 1930 году, Е. В. Тарле на допросе оговорил академика С. В. Платонова, которому был обязан своим избранием в Академию наук СССР. Он обвинил его в том, что тот якобы возглавлял в Ленинграде контрреволюционную организацию, которая имела целью свержение существующего в СССР государственного строя и установление конституционной монархии во главе с великим князем Андреем Владимировичем путем склонения иностранных государств к вооруженному вмешательству в дела СССР. Как пишет В. С. Брачев, спасая себя, Е. В. Тарле «в буквальном смысле слова топил своих бывших коллег, надеясь заслужить тем самым у чекистов прощение и освобождение» [13]. Активно сотрудничая со следствием, Тарле выдумал «военную группу» платоновской «организации» (70 человек), которая якобы занималась подготовкой вооруженного восстания. Он понимал, что участь С. В. Платонова решена. Поэтому его показания не играют решающей роли. Это был момент самооправдания. Но сам-то Тарле знал о своей подлости. Личность историка не может быть отделена от его профессионального писательства. Когда читаешь о том, как Тарле унижался, забрасывал письмами следователей с просьбами «еще раз его допросить» и уверениями, что он готов удовлетворить все их требования, что его можно использовать на воле, намекая на свои связи в Европе, то поневоле испытываешь что-то вроде презрения. И закрадывается гадкий вопрос: «А хороший историк орденосец академик Евгений Викторович Тарле, написавший, в частности, выдающуюся биографию Наполеона?»

Заключение. Критические статьи по историографии, которые выходят в серьезных научных изданиях [14], еще раз убеждают, что историку практически невозможно встать над своим временем, избежать общего увлечения политическим трендом. Мы сами жили в то время, когда был возможен честный, бесцензурный поиск истины. И что же? Сегодня приходится признать: мы честно заблуждались. Зачем же нам повторять собственные ошибки? Все, что сегодня превозносится, неизбежно будет осуждено. Все, чему поклоняется большинство, им же и будет втоптанно в грязь. Автору надо соблюдать величайшую предосторожность, когда речь идет о современности, которая приукрашивает себя как модная женщина и пытается навязаться, как дешевая проститутка. И здесь историк-биограф находится в преимущественном положении, поскольку в центре его внимания находится особенный человек. И чем больше человек, тем больше его зазор со своим временем, тем больше он интересен историку своим *самостоянием*, говоря словом Пушкина.

Список использованной литературы

- 1а. Попова Т. Н. Жизнеописание ученого-историка на перекрестке историографических традиций. Теория. Методология. Практика. Одесса, 2017. 456 с.
- 1б. У пошуках гармонії... Наукова збірка до 50-річчя професора Вадима Михайловича Хмарського / наук. ред. і упор. Е. П. Петровський. Одеса: ТЕС, 2017. 512 с.
2. Гребенник Г. П. Портрет интеллигента в одесском интерьере. Одесса: Фенікс, 2010. 176 с.
3. Гребенник Г. П. Записки университетского человека. Одесса: Печатный дом, 2014. 368 с.
4. Урсу Д. П. Факультет: Воспоминания, разыскания, размышления. Одесса: Optimum, 2006. 305 с.; Добролюбовский А. О. Одесся одного археолога / ред.-сост. А. Красножон. СПб. : Нестор-История, 2009. 512 с.; Гребенник Г. П. Записки обитателя одесского истфака. *Дерибасовская — Ришельевская: Одесский альманах / Всемирный клуб одесситов*. Одесса: АО «Пласке», 2011–2012: № 45. С. 42–48; № 46. С. 56–59; № 47. С. 96–106; № 48, с. 160–173; Его же. Профессор Семен Иосифович Аппатов. *Дерибасовская — Ришельевская: Одесский альманах. Кн. 50*. Одесса: АО «Пласке», 2012. С. 84–95; Его же. Союз Вольтера и Руссо. Опыт биографического исследования поколения «шестидесятников». *Записки университетского человека*. Одесса: Печатный дом, 2014. С. 38–355; Его же. Истфак, каким мы его помним (воспоминания выпускников исторического факультета Одесского государственного университета имени И. И. Мечникова) / отв. ред. и сост. В. В. Багацкий. Одесса: ВМВ, 2015. 340 с.
5. Гончарук Г. Мемуари професора. Книга перша: Знайти і зберегти себе. Одеса: Політехперіодика, 2015. 188 с.; Его же. Мемуари професора. Книга друга: Сутички з університетською елітою. Одеса: Бахва, 2016. 152 с.
6. Человек в истории и культуре: сб. научных работ в честь 70-летия лауреата Государственной премии Украины, академика РАЕН, профессора, доктора исторических наук Владимира Никифоровича Станко / отв. ред. А. А. Пригарин. Одесса: Терновка: Друк, 2007. 576 с.; Человек в истории и культуре. Вып. 2: Мемориальный сборник материалов и исследований в память лауреата Государственной премии Украины, академика РАЕН, профессора Владимира Никифоровича Станко / отв. ред. А. А. Пригарин. Одесса: СМІЛ, 2012. 644 с.; Человек в истории и культуре. Вып. 3: Мемориальный сборник научных работ в память лауреата Государственной премии Украины, академика РАЕН, профессора, доктора исторических наук, Владимира Никифоровича Станко / отв. ред. А. А. Пригарин. Одесса: Ирбис, 2017. 694 с.
7. Libra: збірка наукових праць кафедри історії стародавнього світу та середніх віків / під ред. І. В. Немченко. Одеса, 2012. Вип. II. 138 с.
8. Гордон А. В. Судьба ученого советской эпохи: Вадим Сергеевич Алексеев-Попов. *История*: электронный научно-образовательный журнал. 2015. Т. 6, вып. 4 (37). С. 314–339. URL: <http://annuairefr.igh.ru/system/articles/pdfs/000/000/149/original/17c65c5c91b4b0376158ab635af942a231a3199f.pdf?1450891490>
9. Попова Т. Н. Евгений Николаевич Щепкин: жизнь как максима. Жизнеописание ученого-историка на перекрестке историографических традиций. Теория. Методология. Практика. Одесса, 2017. С. 180–196.
10. Хмарський В. М. Доля завідувача кафедри історії Української РСР ОДУ імені І. І. Мечникова Петра Івановича Воробєя у контексті «великого погрому» 1972 року. *У пошуках гармонії...* С. 113–148.
11. Макиавелли Н. Государь. Сочинения. Харьков: Фолио, 1998. 656 с.
12. Брачев В. С. «Дело» Я. М. Захера. URL: <https://cyberleninka.ru/article/v/delo-ya-m-zahera> (дата обращения: 10.03.2018).
13. Брачев В. С. Травля русских историков. М.: Алгоритм, 2006. 317 с. URL: http://www.uhlib.ru/istorija/travlja_russkih_istorikov/p4.php (дата обращения: 11.03.2018).
14. Савельева И. М., Полетаев А. В. О пользе и вреде презентизма в историографии. *Цель времени: Проблемы исторического сознания*. М.: ИВИ РАН, 2005. С. 63–88; Согрин В. В. Профессиональная, пропагандистская и обывательская историография. *Новая и новейшая история*. 2018. № 1. С. 185–203.

References

1. Popova, T. N. Zhizneopisanie uchenogo-istorika na perekrestke istoriograficheskikh traditsiy. Teoriya. Metodologiya. Praktika. Odessa, 2017.; U poshukah garmoniyi. Naukova zbirka do 50-richchya profesora Vadima Mihaylovicha Hmarskogo. ed. E. P. Petrovskiy. Odesa: TES, 2017.
2. Grebennik G. P. Portret intelligenta v odeskom interere. Odessa: FenIks, 2010.; Ego zhe. Zapiski universitetskogo cheloveka. Odessa: Pechatniy dom, 2014.
3. Grebennik G. P. Zapiski universitetskogo cheloveka. Odessa: Pechatniy dom, 2014.
4. Ursu D. P. Fakultet: Vospominaniya, razyiskaniya, razmyishleniya. Odessa: Optimum, 2006.; Dobrolyubskiy A. O. Odeseya odnogo arheologa. Ed. — A. Krasnozhan. SPb.: Nestor-Istoriya, 2009.; Grebennik G. P. Zapiski obitatelya odesskogo istfaka. *Deribasovskaya — Rishlevskaya: Odesskiy almanah. Vsemirniy klub odessitov*. Odessa: AO «Plaske», 2011–2012.; Ego zhe. Professor Semen Iosifovich Appatov. *Deribasovskaya — Rishlevskaya: Odesskiy almanah. Kn. 50*. Odessa: AO «Plaske», 2012: 84–95; Ego zhe. «Soyuz Voltera i Russo. Opyit biograficheskogo issledovaniya pokoleniya 'shestidesyatnikov'». *V Zapiski universitetskogo cheloveka*. Odessa: Pechatniy dom, 2014: 38–355; Istfak, kakim myi ego pomnim (vospominaniya vyipusnikov istoricheskogo fakulteta Odesskogo gosudarstvennogo universiteta imeni I. I. Mechnikova). Otv. red. i sost. V. V. Bagatskiy. Odessa, Izd-vo VMV, 2015.
5. Goncharuk G. Memuari profesora. Kniga persha. Znayti i zberegti sebe. Odesa: Politehpriodika, 2015.; Ego zhe. Memuari professora. Kniga druga. Sutichki z unversitetskoyu elltoyu. Odesa: «Bahva», 2016.
6. Chelovek v istorii i kulture. Sb. nauchnykh rabot v chest 70-letiya laureata Gosudarstvennoy premii Ukrainyi, akademika RAEN, profesora, doktora istoricheskikh nauk Vladimira Nikiforovicha Stanko. Red. A. A. Prigarin. Odessa-Ternovka: Druk, 2007.; Chelovek v istorii i kulture. Vyip. 2. Memorialniy sbornik materialov i issledovaniy v pamyat laureata Gosudarstvennoy premii Ukrainyi, akademika RAEN, profesora Vladimira Nikiforovicha Stanko. Ed. A. A. Prigarin. Odessa: SMIL, 2012.; Chelovek v istorii i kulture. Vyip. 3. Memorialniy sbornik nauchnykh rabot v pamyat laureata Gosudarstvennoy premii Ukrainyi, akademika RAEN, profesora, doktora istoricheskikh nauk, Vladimira Nikiforovicha Stanko. Ed. A. A. Prigarin. Odessa: Irbis, 2017.
7. Libra: Zbirka naukovih prats kafedri Istoriyi starodavnogo svItu ta serednih vIkIv. Red. I. V. Nemchenko. Vip. II. Odesa, 2012.
8. Gordon A. V. «Sudba uchenogo sovetской epohi: Vadim Sergeevich Alekseev-Popov. *Istoriya. Elektronniy nauchno-obrazovatelniy zhurnal*. 6/4(37)(2015):314–339. Accessed Avgust 2, 2018. <http://annuairefr.igh.ru/system/articles/pdfs/000/000/149/original/17c65c5c91b4b0376158ab635af942a231a3199f.pdf?1450891490>
9. Popova T. N. «Evgeniy Nikolaevich Schepkin: zhizn kak maksima.» *V Zhizneopisanie uchenogo-istorika na perekrestke istoriograficheskikh traditsiy. Teoriya. Metodologiya. Praktika*. Odessa, 2017: 180–196.
10. Hmarskiy V. M. «Dolya zavIduvacha kafedri Istoriyi UkraYinskoYi RSR ODU Imeni I. I. Mechnikova Petra Ivanovicha Vorobeya u kontekstI «velikogo pogromu» 1972 roku.» *V Naukova zbirka do 50-richchya profesora Vadima Mikhajlovicha KHmars'kogo*. Ed. E. P. Petrovs'kij. Odesa: TES, 2017: 113–148.
11. Makiavelli N. Gosudar. Sochineniya. M.: ZAO Izd-vo EKSMO-Press; Harkov: Izd-vo «Folio», 1998.
12. Brachev V. S. «'Delo' Ya.M. Zahera.» *Cyberleninka*. Accessed March 10, 2018. <https://cyberleninka.ru/article/v/delo-ya-m-zahera>
13. Brachev V. S. Travlya russkikh istorikov. M.: Algoritm, 2006. Accessed March 11, 2018. http://www.uhlib.ru/istorija/travlja_russkikh_istorikov/p4.php
14. Saveleva I. M., Poletaev A. V. «O polze i vrede prezentizma v istoriografii» *V «Tsep vremen»: Problemy istoricheskogo soznaniya*. M.: IVI RAN, 2005: 63–88; Sogrin V. V. «Professionalnaya, propagandistskaya i obyvatelskaya istoriografiya.» *Novaya i noveyshaya istoriya*. 1(2018): 185–203.

Стаття надійшла до редакції 20.05.2018

Г. П. Гребенник

кафедра історії та світової політики ОНУ імені І. І. Мечникова
к. 37, Французький бульвар, 24/26, м. Одеса, 65058, Україна

ПРО РОЛЬ І ОСОБЛИВОСТІ БІОГРАФІЧНОГО ЖАНРУ У СУЧАСНІЙ ІСТОРІОГРАФІЇ

Резюме

У статті розглядаються причини «захоплення» істориків біографічним жанром у даний час. Автор аналізує феномен звернення до історії історичного факультету Одеського університету імені І. І. Мечникова. Автор стверджує, що історія — це більше ніж наука, бо в ній є і наукова частина (понятійний апарат, жорсткий відбір фактів і їх перевірка на достовірність в ході дослідження), і літературна основа (мова, стиль письменства), і міфологічний аспект, пов'язаний з уявою.

Автор зазначає, що критичні статті з історіографії, які виходять в серйозних наукових виданнях, ще раз переконують, що істориків практично неможливо встати над своїм часом, уникнути загального захоплення політичним трендом. Адже все, що сьогодні величається, неминуче буде засуджене. Все, чому вклоняється більшість, нею ж і буде втоптане в бруд. Знання взагалі і знання історії зокрема дає людині ілюзію, що вона володіє апаратом істини.

Історик-біограф знаходиться в кращому становищі, оскільки в центрі його уваги знаходиться особлива людина. І чим більша людина, тим більше її зазор зі своїм часом, тим цікавіша вона істориків своїм самостоянням, кажучи словом Пушкіна. Автор ілюструє свої думки про особливості роботи біографа на прикладі критичного розбору двох біографічних етюдів.

Біографія на кшталт міфу про героя. Автобіографія — найбільш підступний і зрадницький жанр, бо він в більшій мірі розкриває особистість автора, ніж він сам того бажає. Автору здається, що він когось викриває і судить, а насправді викриває він самого себе. Розмір душі має значення, крім, звичайно, розуму. Насправді вкрай важливо, як людина думає про себе, що підкреслює в інших, на чому наполягає, що заперечує і про що замовчує.

В останній частині автор звертає увагу на актуальні уроки історії самих істориків та вказує, що немає поганих джерел, якщо є вміння аналітично з ними працювати.

Ключові слова: біографічний жанр, автобіографія, історіографія, хранитель пам'яті, інтелігенція.

G. P. Grebennik

Department of history and world politics,
Odessa I. I. Mechnikov National University,
r. 37, 24-26, French Blvd., Odessa, 65058, Ukraine

ABOUT ROLE AND FEATURES OF BIOGRAPHIC GENRE IN MODERN HISTORIOGRAPHY

Summary

The article deals with the reasons for the «capture» of historians by the biographical genre at the present time. The author analyzes the phenomenon of addressing the history of the historical faculty of the Odessa University named after I. I. Mechnikov. The author argues that history is more than science, because it has a scientific component (conceptual apparatus, rigorous selection of facts and their validation during the study), and the literary basis (language, style of writing), and the mythological aspect, related to imagination.

The author notes that critical articles on historiography, published in serious scientific publications, once again convinced that it is almost impossible for a historian to stand up to his time, to avoid general enthusiasm for the political trend. After all, everything that hangs today will inevitably be condemned. Whatever the worship of the majority, it will be thrown into the dirt. Knowledge in general and knowledge of history in particular gives the man the illusion that he has the apparatus of truth.

The biographer is in a better position, since the center of his attention is a special person. And the more a person, the more its gap with its time, the more it is interesting to the historian of his independence, in the words of Pushkin. The author illustrates his thoughts on the peculiarities of the work of the biographer by way of a critical analysis of two biographical sketches.

A biography like the hero's myth. Autobiography is the most insidious and treacherous genre, because it more reveals the personality of the author than he himself desires. The author seems to him to be exposing and judging someone, but in fact he reveals himself. The size of the soul matters, except, of course, the mind. In fact, it is extremely important how a person thinks about himself, that he emphasizes in others, what he insists, denies and what is silent.

In the last part the author draws attention to the actual lessons of the history of the historians himself and points out that there are no bad sources if there is the ability to work analytically with them.

Key words: biographical genre, autobiography, historiography, memory keeper, intelligentsia.